

УДК 93.94

Дегоев В. В.

*Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация*

ЛЕВОБЕРЕЖНАЯ МАЛОРОССИЯ В XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВВ.: ОТ УПРАВЛЯЕМОЙ ВОЛЬНИЦЫ ЧЕРЕЗ СОЦИАЛЬНУЮ АНАРХИЮ К ГУБЕРНИЗАЦИИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Проанализировать процесс эволюции военно-демократического строя Малороссии в контексте международных отношений и политики России на протяжении двух веков.

Процедура и методы. Использованы методы историко-генетического исследования и контент-анализа. На их основе вскрыта внутренняя динамика процесса перехода Малороссии от безгосударственных, полуанархических форм социального быта к интеграции в административную систему Российской империи.

Результаты. Доказано, что понятие «Украина» с точки зрения государствообразующей сущности является совершенно искусственным конструктом, не имеющим опоры в том самом прошлом, к которому так усердно апеллируют современные украинские идеологи.

Практическая значимость. Автор приходит к выводу, что апелляция к истории Малороссии как к цивилизационной предтече современного киевского режима может быть оправдана лишь с точки зрения иллюстрации преемственных черт между украинской анархией XVII в. и её современными модификациями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Левобережная Малороссия, Малороссийская коллегия, социально-хозяйственный быт казаков, русско-польско-турецкие противоречия, феномен гетманства

СТРУКТУРА

Введение

Геополитика и днепровское безначалие

Феномен гетманства

Иван Мазепа: прихотливая карьера изменника

Казачий юг на пути к губернизации

Малороссийская коллегия

Заключение

V. Degoev

*Moscow State Institute of International Relations (University)
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
pr-t Vernadskogo 76, Moscow 119454, Russian Federation*

LEFT-BANK LITTLE RUSSIA IN THE XVII – FIRST QUARTER OF THE XVIII CENTURY: FROM CONTROLLED VOLNITSA (FREEDOM) THROUGH SOCIAL ANARCHY TO GUBERNIZATION

ABSTRACT

Aim. To analyze the process of evolution of the military-democratic system of Little Russia in the context of international relations and Russian politics for two centuries.

Methodology. By employing the methods of historical and genetic research combined with content analysis, the author reveals the internal dynamics of the transition of Little Russia from stateless, semi-anarchic forms of social life to integration into the administrative system of the Russian Empire.

Results. It is proved that the concept of “Ukraine”, in terms of the state-formation, is a completely artificial construct that has no basis in the very past to which the modern Ukrainian ideologists so diligently appeal.

Research implications. The author comes to the conclusion that the appeal to the history of Little Russia as to the civilizational forerunner of the modern Kiev regime can be justified only in case of illustrating the continuity between the Ukrainian anarchy of the XVII century and its modern modifications.

KEYWORDS

Left Bank of Little Russia, Little Russian Collegium, social and economic life of the Cossacks, Russian-Polish-Turkish tensions, the phenomenon of Hetmanate

ВВЕДЕНИЕ

Как могло случиться, что высокоодарённый и здравомыслящий народ Украины оказался отравленным прогнившими плодами современной западной демократии, которая привела к власти в Киеве нацистскую олигархическую клику, помешанную на ненависти ко всему русскому и готовую с безоглядной и иррациональной решимостью вести с Россией войну до самоуничтожения? Почему этот режим не встретил всеобщего сопротивления со стороны людей, страдавших от всех его злокачественных язв и прекрасно осознававших, куда ведут страну ставленники коллективного Запада? В данной статье предпринята попытка найти подходы к решению этой загадки, опираясь на ту часть истории Украины, которая не связана с постсоветскими реалиями, а уходит в глубину веков. Выдвигается гипотеза, что истоки нынешней ситуации во многом коренятся в особенностях «формационного» развития малороссийского социума, так и не успевшего обрести цельный го-

сударственный облик в силу преобладания внутри казачьих обществ анархического начала.

Таким образом, целью настоящей работы является исследование процесса эволюции военно-демократического строя Малороссии в контексте международных отношений и политики России на протяжении двух веков.

В качестве научного инструментария использовались методы историко-генетического исследования и контент-анализа. На их основе вскрыта внутренняя динамика процесса перехода Малороссии от безгосударственных, полуанархических форм социального быта к интеграции в административную систему Российской империи.

ГЕОПОЛИТИКА И ДНЕПРОВСКОЕ БЕЗНАЧАЛИЕ

Начиная с XVI в., важной частью южного фронта России являлось Нижнее Приднепровье, населённое малороссийскими и запорожскими казаками. С точки зрения социальной организации и военного быта они почти ничем не отличались от своих донских собратьев. Как и донцам, им исторически выпала роль сперва заслона от турецко-крымской агрессии на север, а затем – плацдарма для продвижения России на юг. Эту роль запорожцы играли не всегда осознанно, поскольку были, скорее, геополитическим объектом, чем субъектом. Долгое время они в принципе предпочитали жить своей небезгрешной жизнью, наполненной безвластием, разбоями, смутой, борьбой за сохранение патриархальной демократии.

Оставаться в таком положении не позволяло одно фундаментальное обстоятельство: казаки обитали на пространстве, где остро сталкивались и сложно переплетались геополитические интересы России, Османской империи, Речи Посполитой. В этом треугольнике союзнические отношения переходили во враждебные столь быстро и непредсказуемо, что сориентироваться в них было крайне трудно. Казачьи вожди не пасовали перед этой задачей, а старались решать её ситуативно, с максимальной выгодой для себя. Стратегия лавирования и игра на русско-польско-турецких противоречиях стали для запорожцев главными средствами выживания и достижения определённой политической субъектности. Однако реальные результаты зачастую кардинально расходились с намерениями. Чем усерднее старалась Запорожская Сечь обезопасить себя от могущественных соседей путём углубления раскола между ними, тем глубже сама погружалась в междоусобицы, хаос и неизвестность [2, с. 4–6].

Вместе с тем нельзя сказать, что казаки находились в состоянии полного безначалия. Их протогосударственная (потестарная) организация со всеми признаками военно-демократического общества, с внутренней территориально-полковой структурой и «гражданским» круговым управлением всё же как-то защищала от разгула патриархальной стихии [3, с. 37–39]. В том числе

и во «внешнеполитических» вопросах. Избираемым народом гетманам предоставлялись руководящие полномочия в военных предприятиях и в дипломатических переговорах с Москвой, Варшавой, Стамбулом (и Бахчисараем). Они оказывали известное влияние на соотношение сил в этом треугольнике, но статуса «держателей равновесия», как ни стремились, не достигали. «Держателями равновесия» гетманы были внутри казачьего общества, что давало им один из рычагов сохранения власти в своих руках. Другим рычагом являлось глубоко прагматическое отношение к «дурным» народным привычкам, осознание необходимости и умение использовать их за неимением возможности искоренить. Когда соседи запорожцев упрекали гетманов за то, что они не удерживают своих подопечных от разбойничьих набегов, в ответ слышалось: «А щожь! Треба хлопцям погуляты» [3, с. 31].

Основу казачьего хозяйства составляли не только добыча от разбоев, но и промыслы (рыболовство, охота, ремесло), которыми они занимались в приднепровских и приднестровских лиманах, находившихся на татарской территории, а также на азовских берегах. Кроме того, через Запорожье, располагавшееся на историческом пути «из варяг в греки», осуществлялся экспорт русского зерна и водки в Крым и Турцию. А с юга через Каффу в Киев и дальше на север (в Москву, Псков, Новгород, Литву, Польшу, Швецию, Данию) шли восточные товары из Персии, Индии, Аравии, Сирии. Полностью защищённым от грабительских набегов этот торговый маршрут не являлся, но в принципе подвергать его опасности было запорожцам невыгодно [2, с. 6–8, 38–46, 53–55]¹.

Постановление Переяславской рады о воссоединении Левобережной Украины с Россией запорожцы приняли с настороженностью и только после уговоров Богдана Хмельницкого, сдобренных щедрыми «гостинцами», хмуро согласились присягнуть царю [15, с. 140–142]. Но с этого момента в Приднпровье наступает период, по словам одного историка, «разнообразных политических комбинаций». В условиях резкого обострения русско-польско-турецких отношений, а также небывалой смуты в Малороссии казаки добились ещё большей свободы, которую они вовсе не спешили использовать для окончательного выбора между тремя внешними силами. Продолжая политику лавирования, они по ситуации склонялись на ту или иную сторону (чаще лишь для вида) и этим ещё больше запутывали и без того головоломный, изменчивый силовой расклад на южном стыке русских, польских и османских границ.

Своей неразберихи казакам тоже хватало. Кошевые атаманы были движимы не какими-то высшими понятиями об общественном благе, а тягой к власти и личной выгоде. Острейшие противоречия возникли между казачьими органами управления и малороссийскими городами, не желавшими

¹ Подробно о хозяйственной жизни запорожцев см. [14, с. 267–296].

им подчиняться и требовавшими от Москвы введения воеводской (центральной) власти для охраны муниципальных привилегий [6, с. 133, 137].

Будучи не в состоянии развязать тугие узлы внутривнутриполитических и внутрисоциальных проблем, казаки предпочитали их разрубать, чем способствовали вовлечению Запорожья (и малороссийской Гетманщины) в гражданскую войну 1657–1687 гг. («Руина»). Смута царилась и в казачьих головах. Мало того, что гетманская верхушка, старшина и рядовые общинники беспрерывно ссорились между собой – они ещё и метались в «прокрустовом» треугольнике Россия – Польша – Крым².

На казачьих съездах нередко были гневные выкрики против Москвы и её сторонников [6, с. 101; 7, с. 190–202]. Правобережные гетманы – в зависимости от своих политических планов – ориентировались то на Польшу против России³, то на Россию против Польши, то на Крым против их обеих. Пожалуй, единственное, что объединяло и в принципе могло сплотить казаков на какое-то время – это идея об «исконной вольности». О ней они не устали напоминать и Москве, и Варшаве, в коих видели главных посягателей на священную традицию, а в Крымском ханстве – основной противовес им. Отсюда – ориентация казаков на юг, хотя последовательной и однозначной она никогда так и не станет [7, с. 200–201, 203–205; 8, с. 382]. Можно сказать, что до петровских времён Запорожская Сечь расплачивалась за свою почти безграничную свободу безграничным беспорядком.

ФЕНОМЕН ГЕТМАНСТВА

В 1687 г. сложное переплетение внутривнутриполитической конъюнктуры с внешнеполитической поспособствовало избранию гетманом Левобережной Украины и Войска Запорожского Ивана Мазепы, изощрённейшего политика и дипломата, обеспечившего себе беспрецедентное политическое долголетие (21 год)⁴. Шляхтич по воспитанию, образованию и мировоззрению, он умел притворяться и малороссом, и москвичом, надёжным охранителем интересов казачьей верхушки и, когда выгодно, заступником голытьбы. Но лучше всего Мазепе давалась та роль, в которой он стремился предстать в глазах Москвы, – верного проводника её политики на Украине. За это гетман требовал к себе полного доверия и всемерной поддержки.

Окружённый врагами и соперниками, Мазепа маневрировал между ними настолько искусно, что Москва решила сделать на него долгосрочную

² Подробно о запорожских смутах 50–80-х гг. XVIII в. см. [15, с. 144–281, 292–342; 4, с. 4–307].

³ Среди казачьей верхушки были люди, «надутые ляцким (шляхетским – В. Д.) духом», стремившиеся стать частью польского правящего класса. Они называли царей «отчимами», а польского короля «отцом» [8, с. 366–376].

⁴ Об обстоятельствах его прихода к власти и методах её сохранения см. [8, с. 383–390; 4, с. 309–316, 485–499].

ставку, не обращая внимания на многочисленные доносы, часть которых имела под собой основания. Мазепа предпочитал не отдалять своих соперников и не бросать их в объятья поляков и турок, а держать поближе к себе, чтобы всегда иметь на них узду в виде кнута или пряника. Московское правительство хорошо осознавало ценность такого ставленника, на положение которого после воцарения Петра I не повлиял даже тот факт, что он был дружен с фаворитом Софьи Алексеевны В. В. Голицыным [8, с. 470–471, 475–478; 4, с. 325–327].

Опираясь на Россию, Мазепа укреплял свою власть в борьбе с протурецки ориентированными представителями казачьей элиты (Петрик Иваненко и Юрий Хмельницкий). До определённого момента он всячески поддерживал популярного в народе запорожского полковника Семёна Палея, успешно воевавшего против турок и поляков, выступавшего за объединение под эгидой России Правобережной и Левобережной Украины. Мазепа настойчиво просил Москву откликнуться на многократные ходатайства Палея о российском подданстве, предупреждая, что отказ может спровоцировать его переход на сторону поляков или турок. Тем не менее Москва не решалась из опасения нарушить мир с Польшей. Заручившись безоговорочной поддержкой России, Мазепа плёл искусные интриги против тех, кто реально или потенциально угрожал прочности его властных позиций. К примеру, как только слава и авторитет Палея стали достигать «опасного» уровня, Мазепа переменял своё отношение к нему [8, с. 480–486, 489–492, 499–506, 578–579].

Москва не ошиблась в своём выборе: никому из предшественников Мазепы не удавалось держать ситуацию в Запорожье и Малороссии в более или менее устойчивом равновесии, натравливать одних своих врагов на других, раскалывать ещё лишь только намечавшиеся против него союзы. Но в этой стратегии гетман преуспевал не всегда. Большим препятствием служил тот факт, что запорожцы пользовались у малороссов огромным авторитетом как подлинные хранители заветных идеалов казачьей старины, готовые защищать их с оружием в руках от кого угодно, не исключая Москвы в лице её ставленника Мазепы [16, с. 220]. Поэтому в политике давления на Запорожскую Сечь гетман был ограничен необходимостью постоянно оглядываться на Малороссию, куда в любой момент мог перекинуться огонь волнений с юга.

Мазепа не был до конца уверен в собственных силах, постоянно прося Петра прислать к нему ратных людей. Понимая, что без России ему не обойтись, он вместе с тем старался сохранить для себя как можно больше свободы действий. Когда в стремлении московского правительства подчинить Запорожье центральному управлению Мазепа увидел угрозу собственной власти, он посоветовал этого не делать, чтобы, как он утверждал, таким образом не подтолкнуть запорожцев к переходу на сторону Польши или Крыма. Постоянно прораставшие то тут, то там семена смуты в Малороссии были одинаково опасны и для Мазепы, и для Москвы. Проблема их выкорчёвыва-

ния превратилась в общий долгосрочный интерес России и её ставленника, который предлагал занять казаков войной с турками, «чтоб дать упражнение беспокойным силам, собранным на Запорожье» [8, с. 508].

Возможности Мазепы были ограничены острыми социально-классовыми противоречиями, более заметными в Малороссии, чем в Запорожье, ещё не до конца лишённом своей «первобытной чистоты» (слова С. М. Соловьева). Конфликтные линии разной степени выраженности пролегали между старшинской знатью и казачьей чернью, с одной стороны – и между казачьим обществом в целом и неказачьими сословиями малороссийских городов и сёл, с другой. Зажиточные атаманы и их подручные, глядя на общественно-экономические порядки России и Речи Посполитой, хотели такого же статуса, какой имели русские помещики или польские паны, хотели официально владеть землями, крестьянами, промыслами и при этом сохранить исконные казачьи вольности. Кстати говоря, их внешнеполитическая ориентация во многом зависела от того, кто – Москва, Варшава или Стамбул – был готов гарантировать им эти привилегии, не требуя взамен жертв. Горожане и сельские земледельцы, страдая от казачьего произвола и попыток закрепощения, видели спасение в сильной государственной, царской власти. А старшинская верхушка предпочитала навязывать этой власти сложный торг, стараясь не продешевить.

В этом мудрёном раскладе особая, незавидная роль принадлежала гетманам – и правобережным, и левобережным. Скорее всего, потому, что им хотелось слишком многого: быть самыми богатыми землевладельцами и помещиками (рабовладельцами), обладать верховной политической властью и в то же время не зависеть ни от старшины, ни от внешних факторов (России, Польши, Турции). Но никто не собирался безвозмездно предоставлять гетману такую свободу действий. «Снизу» (голытьба), «сбоку» (атаманы), «сверху» (русский царь и польский король) требовали от него подчинения в одном случае давним казачьим традициям, в другом – растущим требованиям старшинской элиты, в третьем – державной политике ограничения первого и второго. В поисках способов минимизировать оказываемое на него давление гетману постоянно приходилось со всеми заигрывать, лавировать и озиаться. Головоломная задача заключалась в том, чтобы уберечься от возмущения всегда чем-то недовольной казачьей массы и одновременно избежать неприязни Москвы, от поддержки которой порой зависело почти всё. Выкроить для себя пространство социально-политического манёвра мало кому удавалось. Пожалуй, лишь Богдану Хмельницкому и Мазепе, да и им – с великим трудом. Заговоры, устраиваемые старшинской верхушкой при участии внешних сил, сопровождали их неотступно. Это были едва ли не единственные политики, умершие естественной смертью [9, с. 201–202].

Гетманский статус, несмотря на всю его шаткость, был для многих главной целью карьерных устремлений, полем ожесточённой межличностной и

«межпартийной» борьбы, где некоторые чувствовали себя как рыба в воде. Мазепа – самый яркий их представитель. Однако, несмотря на всю свою изворотливость, он не мог устранить причин фундаментального конфликта между демократическим беспорядком Запорожья и нетерпимой к нему московской властью.

Блестящую характеристику исторических, органичных предпосылок этого конфликта дал С. М. Соловьев: «Общество малороссийское вышло слишком юно (здесь и далее курсив мой – В. Д.) на сцену, когда история решала самые важные для него вопросы. Отсутствие внутренней сплоченности, разброд составных начал, жизнь особе и вражда между живущими особе усложняли слабость страны, не позволяли ей не только независимого, но и своеобразного политического существования. Отсюда эта шатость, колебание, ... которые давали полный простор всякой силе пробиваться сквозь несплочённые ряды. Почти вся вторая половина XVII века представляет смутное время для Малороссии, подобное Смутному времени Московского государства в начале века: та же шатость, та же темнота, отсутствие ясно определенных целей и отношений ... Но несчастная Малороссия шаталась очень долго, шаталась и между поляками, и между турками ... Не можем не указать, как вредно должны были действовать эти явления на характер народа, расшатывая общество всё более и более, ослабляя общественный смысл у народа, ... отучая его ходить твёрдо, смотреть прямо в лицо окружающим явлениям, укореняя вредную привычку не верить никому и вместе верить всему и носиться в разные стороны по первому слуху. Общественное развитие было задержано; общество продолжало обнаруживать черты детства» [6, с. 183–184].

То же самое можно было сказать и о запорожцах. После неудачных крымских походов В. В. Голицына их «шатость» усилилась. Шатались, как всегда, в разные стороны. Сначала в сторону Бахчисарая, с которым они в 1689 г. заключили договор, предоставлявший им право беспрепятственно заниматься хозяйственными промыслами на крымской территории в обмен на их обязательство пропускать через свои земли татарскую конницу, когда та пойдёт грабить Южную Россию [16, с. 51]. Те казаки, которые не одобряли этого соглашения, вступили в переговоры с королём Яном Собеским о переходе в польское подданство. Не получив внятного ответа, они отправили послов в Москву заверить «в своей сердечной и истинной верности и правде служить царскому пресветлому величеству».

Фактически запорожцы раскололись на три партии – турецкую, польскую и русскую, границы между которыми были нечёткими и несколько не мешали переходу из одного политического лагеря в другой. Московское правительство, действуя как через Мазепу, так и напрямую, старалось задобрить своих сторонников разными посулами, в основном деньгами, но без особого успеха. Принимая царское жалование как должное, казаки не ис-

пытывали ни чувства благодарности, ни желания отказываться от свободы внешнеполитического выбора [16, с. 51–66].

В первой половине 1690-х гг. волнениям в Запорожье не давали утихать и внутрисоциальные, и международные конфликты, в частности война России и Польши против Турции. Этими обстоятельствами старались воспользоваться видные казацкие деятели, соперничавшие между собой в борьбе за единоличную власть, которую они в большинстве своём хотели использовать для освобождения Запорожья из-под влияния России, не забывая при этом о собственных материальных интересах [16, с. 67–83].

Известию о готовящемся походе Петра I на Азов казаки обрадовались: и работа будет привычная, и добыча, и жалование. Так оно и случилось. Храбро сражаясь бок о бок с русской армией, они сыграли важную роль при взятии нескольких турецких крепостей в устье Днепра и в общем ходе боевых действий. Щедрая царская казна не заставила себя ждать. Это была благодарность не только за доблесть, но и за верность. Петрик, воевавший на стороне турок, призывал сечевиков присоединиться к нему. Никто не откликнулся, как никто не выказал и печали по поводу его гибели от рук одного из казаков [16, с. 123–130].

Ещё большую активность они проявили во время второго азовского похода, действуя на широком фронте от дельты Днепра до западного побережья Крымского полуострова как сухопутными силами, так и малоразмерными морскими судами. Правда, запорожцы не преминули заявить Москве, что их услуги заслуживают соответствующего вознаграждения. Прижимистый Пётр скупиться не стал и на этот раз. Примечательно, что Мазепа, так и не появившийся на военном театре, умудрился изобразить свои боевые заслуги таким образом, что царь поспешил отметить их щедрыми дарами [16, с. 131–138].

До самого окончания русско-турецкой войны (1700 г.) запорожцы оставались в целом надёжным, хотя и не очень дисциплинированным резервом царской армии [16, с. 139–151]. Они клялись в верности царю, но неохотно подчинялись его оперативным приказам, предпочитая действовать исходя из обстановки и преимущественно в своих интересах. Война, приглушив внутреннее распри среди запорожцев, не лишила их тяги к набегам и добыче. Заскучав от сидения в захваченных у турок днепровских городках, они начали совершать на море разбойничьи вылазки. Вероятно, это можно было бы изобразить как часть военных действий, если бы нападениям не подвергались мирные купеческие суда. К войне казаки относились во многом как к коммерческому предприятию. Запросы у них были немалые, а царское жалование, хотя и постоянно увеличивавшееся, не могло сравниться с награбленным добром.

Мазепа, лишённый полководческого дара и избегавший появляться на полях сражений, решил всё же отметиться каким-нибудь подвигом. В 1698 г. он попытался взять Очаков, но бездарно организованный поход провалился.

В январе следующего года между Россией и Турцией было заключено двухлетнее перемирие. Помехой в запорожских набегах на крымские территории оно не стало. Пассионарная энергия, как всегда, искала каналы выхода. Но набегов ей было мало. Квартировавшие в тесных днепровских крепостях (Тавань, Казыкерман и др.) казаки, томясь бездельем, пустились в гульбу, пьянство и бесчинства на местных базарах. Начались кровавые драки с русскими гарнизонными частями. Дошло до убийств. Приехавшая из Москвы следственная комиссия во избежание дальнейшего обострения спустила дело на тормозах. Более того, запорожцев старались уговорить значительным увеличением царской казны и подарков. Вместо благодарности они обрушились на доставивших всё это людей с упрёками, что присланные сукна «худые и изрезанные», а настоящие монаршие дары украдены. Если не знать менталитета запорожцев, самым удивительным может показаться их недовольство тем, что им дают мало пушечного пороха, необходимого для всякого рода гуляний.

Когда в 1700 г. в Стамбуле был подписан русско-турецкий мир, обязавший Россию эвакуировать днепровские городки, казаки, считавшие их уже своей собственностью, выразили крайнее возмущение, усилившееся ещё и от того, что русские построили на границах Запорожья свои крепости для стеснения его вольной жизни.

Одним словом, окончание турецкой войны, оставившее запорожцев без работы, обернулось для России ещё большими, чем прежде, проблемами на юге. Следом начавшаяся шведская война, казалось бы, предоставила им новое поприще для применения их буйного нрава [16, с. 152–169]. Но она не смягчила, а обострила социально-политическую ситуацию в Сечи. На севере требовались дисциплинированные войска, каковыми казаки никогда не являлись. Против шведов они использовались как вспомогательная сила, чаще всего на ненавистных им военно-инженерных работах. «С этого времени, – по словам историка Д. И. Яворницкого, – в Запорожье поднялись такие смуты, распри и раздоры, которых ни раньше, ни позже того никогда там не бывало» [16, с. 170]. Так этот край отвечал на угрожавшую его историческому безнарядью политику Петра, имперскую и унификаторскую по своей сути. Ещё больше она ощущалась в Малороссии.

ИВАН МАЗЕПА: ПРИХОТЛИВАЯ КАРЬЕРА ИЗМЕННИКА

В годы Северной войны малороссийское безнарядье совершенно не устраивало Петра ещё и потому, что против шведов ему нужны были и казаки. В 1703–1704 гг. лишь немногих из них удалось привлечь в качестве вспо-

могательного войска, но из-за плохой организации дела они были разбиты шведами в соединении с поляками Лещинского [9, с. 31–32].

Мазепе становилось всё труднее управляться с ситуацией в Малороссии и Запорожье. Разброд и шатание в старшинской среде усиливались, передаваясь низам. Долго удерживать её под контролем только с помощью макиавеллистских приёмов было невозможно. Мазепа осаждал Москву вопросами – что делать? Она подолгу не отвечала, поскольку не знала ответа.

Наконец Пётр приказал «не делать запорожцам никаких тяжких насилий». Были подтверждены прежние казачьи вольности. Однако «шалости» запорожцев продолжились и распространились даже на левобережную Полтаву.

Если с Малороссией гетману ещё удавалось кое-как справляться, то в отношении Запорожья он, дойдя до отчаяния, посоветовал Петру «искоренить силою оружия проклятое гнездо». И предложил для этого целый план. Царь пока не готов был к радикальным мерам. Он разрешил Мазепе действовать по своему усмотрению, но не перегибая палку. С каждым годом Мазепе приходилось всё труднее и труднее. Запорожье почти полностью вышло из его подчинения. Местные атаманы вытворяли всё, что хотели, не давая гетману возможности делать перед Москвой хотя бы вид, будто он держит ситуацию под контролем. Когда между Россией и Турцией происходило размежевание границы (1705 г.), запорожцы решительно протестовали против того, что их представителей не пригласили для участия в этой процедуре. Иначе говоря – против непризнания за ними международной субъектности в вопросе о территории их исконного проживания [16, с. 187–198].

Хотя Мазепу так и подмывало нанести по Запорожью решительный удар, он, как хитрый политик, понимал, что в отношении с казаками сжигать за собой мосты нельзя: они, не ровен час, могут ещё понадобиться, особенно в крайне неясной ситуации на фронтах Северной войны, где, кроме Прибалтики, полный перевес был на стороне Карла XII [16, с. 216].

Пётр требовал от казаков равного с Россией участия в боевых операциях, что предполагало дисциплинированное подчинение русскому главнокомандующему и общему стратегическому плану. А казаки этого терпеть не могли. Они воевали тогда и так, когда и как им захочется. Вдобавок царские полки, находившиеся в Каменном Затоне, не давали «охотникам до гуляний» (разбойных набегов) развернуться во всю ширь. Приказы царя, в которых сечевики усматривали начало проникновения к ним преобразований, проводимых в России, ввергали их в состояние тревожного, мучительного ожидания.

В такое же состояние погружался уже не молодой, хлебнувший много чего на своём веку Мазепа. Перед его глазами разворачивалась эпическая драма борьбы между Петром I, потерпевшим сокрушительное поражение под Нарвой, и непобедимым Карлом XII, который разбил Данию, захватил

Польшу, Саксонию и намеревался двинуться на Москву, в спешном порядке готовившуюся к обороне. А если русская столица падёт перед шведами (и их союзниками поляками), как это случилось в Смутное время? Что тогда делать ему, Мазепе? Гетман искал ответ на эти вопросы не только в стремительно развивающихся событиях, но и в собственном прошлом, связанном с приятными воспоминаниями о молодых годах, проведённых при дворе польского короля Яна Казимира II, где он получил прекрасное образование и аристократическое воспитание. Мазепа принадлежал к тому, по словам С. М. Соловьёва, «испорченному поколению шатающихся черкас (малороссиян и запорожцев – В. Д.)», для которых православие не было «внутренним могучим побуждением», достойным самопожертвования, и которые не находили нестерпимой мысль о соединении с католической Польшей. Во всяком случае, Мазепа не собирался погибать вместе с Петром лишь для того, чтобы сохранить в его глазах репутацию «драгоценного исключения», человека, оставшегося, в отличие от предыдущих гетманов, верным царю [9, с. 203–204].

Час рокового решения приближался неумолимо.

Карл XII понял, какую выгоду можно извлечь из терзаний Мазепы, которого король соблазнял обещаниями сделать его независимым владельцем Полоцкого и Витебского княжеств с сохранением гетманского статуса. От такой перспективы голова Мазепы, видимо, пошла кругом. Торопили его и ближайшие подручные: решайся, не то упустишь момент и не вернёшь [9, с. 233].

Внутренне всегда готовый к предательству и кого только не предававший, гетман был вынужден проявлять чрезвычайную осторожность, пока действительно не наступит момент сыграть ва-банк. Этот момент Мазепа связывал с предстоящим вступлением шведской армии в Малороссию. Гетман готовился к ситуации, которая заставит его предать Петра. А подготовка такого рода требовала тишины. Он действовал тайно и настолько хитро, что слухи, доходившие до государя, оставались без внимания. Да что там слухи: ни во что не ставились открытые обвинения, которые люди готовы были доказывать с риском для жизни [1, с. 252–255; 4, с. 418–445]. Между тем некоторые из них были вовсе не слухами. Он действительно состоял в тайной переписке с Лещинским и польской аристократией, которые прельщали его щедрым вознаграждением за разрыв с Петром. Суть ответов сводилась к мысли о том, что верность Мазепы царю будет зависеть от соотношения сил в Северной войне и шансов той или иной стороны на победу. Пока это не выяснится, он твёрдо обещал воздержаться от враждебных действий против поляков и шведов. Как писал С. М. Соловьёв, «Мазепа искал спасения ... в хитрости, двоедушии, не хотел разрываться с царём, а между тем на всякий случай сносился с Станиславом» [9, с. 204–207, 209–211].

Зондируя, опять же, на всякий случай, почву в вопросе о формировании широкой антипетровской коалиции, Мазепа через доверенных людей вёл переговоры со всеми казачьими сообществами, калмыками, белгородски-

ми татарами, крымским ханом, турками. Восстание Булавина вспыхнуло как нельзя ко времени. Гетман установил тайную связь с главным бунтовщиком, который имел и свою собственную «внешнюю политику», переписываясь с турками и крымскими татарами [1, с. 248–250; 12, с. 371].

Приблизительно до середины октября 1708 г. маятник сомнений Мазепы продолжал раскачиваться. В какой-то момент даже могло показаться, что гетман останется верен Петру. Конец колебаниям положил резкий поворот армии Карла XII с востока на юг, в Малороссию. Сначала гетман шлёт королю приветственное письмо, предлагая себя в качестве вассала и союзника в борьбе против тяжкого ига России. А 24 октября он вместе с двумя тысячами казаков уже был в расположении шведских войск [9, с. 233–234].

Таким, линейным и бесповоротным, видится путь предателя уже постфактум, с расстояния времени. Чуть ли не вся жизнь Мазепы предстаёт как непрерывная подготовка к её главному событию – измене. Но было ли это действительно столь необратимое движение? Само по себе наличие внутренней потенциальной предрасположенности к измене вовсе не является автоматической предпосылкой к ней. Нужно ещё такое стечение факторов, которое поставит человека перед мучительной дилеммой и внушит ему мысль о неизбежности того или иного решительного шага. С. М. Соловьев точно подметил, что Мазепа «умер бы верным слугою царским, если б судьба не привела к русским границам Карла XII» [9, с. 204]. Добавим к этому, похоже, искреннее восклицание гетмана, узнавшего о движении шведского короля на юг: «дьявол его сюда несёт» [13, с. 215].

При всём том, что было сказано о Мазепе, бегство к шведам и полякам далось ему сугубо по-человечески нелегко, даже если оставить в стороне досужее предположение о возможных угрызениях совести [4, с. 506]. Несколько поколений историков и писателей бьются над разгадкой причин измены, то сваливая их – и самые пустяшные, и более серьёзные – в одну громадную кучу, то стараясь выстроить их в логически безупречный причинно-следственный ряд, то сводя всё к одной единственной, фундаментальной [4, с. 381–417]. Сколько бы объяснений мы ни привели, в них не будет всей правды, которая если и существует, то сокрыта в глубинах всегда непостижимой человеческой души, особенно когда речь идёт о незаурядной личности. Выразимся ещё крамольнее: всей правды о себе не знал и сам Мазепа.

Петра обуяли гнев и досада. Но гневаться и досадовать, по мнению С. М. Соловьева, нужно было прежде всего на самого себя, не увидевшего вовремя, что новое искушение предать царя, в отличие от прежних, которые гетман преодолевал, явилось к нему посреди изменившихся обстоятельств и поэтому оказалось сильнее прежних. Пётр понял, что слепое доверие к Мазепе и абсолютное недоверие к его врагам были ошибкой, приведшей на плаху тех, кто говорил правду [9, с. 228–229].

Все свои чувства Пётр вложил в текст манифеста к малороссийскому народу от 28 октября (9 ноября) 1710 г. Он извещал, что Мазепа стал «новым Иудой», который, забыв страх божий и крестоцелование, перебежал к шведам и полякам, чтобы отдать им на поправление православную веру, церкви и святые монастыри, обратить их в католичество. Гетман обвинялся в том, что, обманывая царя, обложил народ поборами якобы для содержания войска, а на самом деле ради собственного обогащения. Он, говорилось в манифесте, предал не только государя, но и всех малороссов. Пётр повелел казачьим старшинам и полковникам собраться на съезд и по своему обычаю выбрать нового гетмана во спасение народа [5, с. 233–245; 9, с. 236].

Гетманом выбрали стародубского полковника И. И. Скоропадского. Были ещё две кандидатуры (миргородский полковник Д. П. Апостол и черниговский полковник П. Л. Полуботок), но Пётр, обжегшись на Мазепе, увидел в этих ярких предводителях угрозу своему влиянию в Малороссии. Он предпочёл заурядного и слабохарактерного Скоропадского как меньшее зло. Как заметил историк Н. А. Маркевич, «то был не гетман, а призрак прежних гетманов» [4, с. 510]. Иными словами, подходящая кандидатура на роль распорядителя похорон самого института гетманства, упразднение которого через какой-то переходный этап его доживания в декоративном виде стало для Петра принципиальной задачей.

В Успенском соборе в Москве и с малороссийских амвонов имя Мазепы торжественно предали проклятию за то, что он «пристал к еретическому королю шведскому» с намерением отдать казаков под иго польской шляхты, уничтожить православную веру и храмы. Затем пропели здравицы в честь великого государя и новоизбранного гетмана [9, с. 240–241].

Возможно, самой важной на тот момент задачей для Петра было успокоить запорожцев, куда менее послушных Москве, чем малороссы. В грамоте к ним он писал, что «богоотступный изменник» непрестанно клеветал ему на сечевиков, обвиняя их в неверности царю. Призывая казаков постоять за отчизну, веру и государя, Пётр обещал содержать их в непрременной своей милости и ежегодно выплачивать Сечи по полторы тысячи золотых на курень (100 дворов) сверх прежнего жалования. Малороссам же была в очередной раз обещана защита от произвола и всякого рода незаконных повинностей [9, с. 241; 5, с. 347–349].

Мазепа тоже рассылал свои грамоты, объясняя в них свой шаг весьма витиеватым образом. Переход к Карлу XII он преподносил как стремление избежать «христианского кровопролития»; из шведского лагеря гетман якобы собирался написать к царю, поблагодарить его за протекцию, но в то же время предъявить ему список всех причинённых казакам обид, приведших их к крайнему разорению, утрате прав и вольностей, поставивших на грань гибели. Мазепа заявлял: казаки и он вместе с ними – свободные люди; так же добровольно, как они некогда преклонились под руку единоверного

царя, они переходят теперь под протекцию шведского короля в надежде на «совершенное наше освобождение» не посредством войны, а через мирный договор, к которому гетман склонит Карла XII [9, с. 239–240]. Однако в обращении к запорожцам Мазепа говорит не о мире, а о войне, призывая атаковать все русские крепости на Нижнем Днепре и Самаре [16, с. 222].

Как видно, Мазепа претендует на роль не только вольного вассала, меняющего сюзеренов по своему усмотрению, но и субъекта международных отношений.

Началась пропагандистская дуэль, в которую включился и Карл XII. В своих манифестах он говорил о невыносимых и оскорбительных для людей реформах Петра, о его переписке с римским папой на предмет искоренения в России греческой веры и насаждения католичества, чем уже и занимаются иезуиты, строящие костёлы и школы. Король призывал малороссов к свержению тяжкого московского ига и поддержке наступающих шведских войск. Перевес в этой войне манифестов оказался на стороне Петра, поскольку его аргументы были убедительнее. В ответ на обещание Карла XII вернуть Малороссии старину с её вольностями и привилегиями царь иронично заметил, что казаки прекрасно помнят, какие «права» у них были в ту самую старину, известную как время нестерпимого шляхетского владычества. Царь завершал свои обращения призывом встретить врага тактикой выжженной земли. Простой народ откликнулся именно на этот призыв, а не на шведские обещания освобождения от московского гнёта [9, с. 242–243; 5, с. 260–270, 273–289, 314–315].

Измена Мазепы была лишь началом замысловатой игры, им затеянной. В конце 1708 г. «новый Иуда» совершенно неожиданно предлагает Петру сделку: он выдаёт в царские руки шведского короля и его генералов, а взамен вновь получает гетманский статус, но теперь уже гарантированный известными европейскими дворами, т. е. международным правом. Хотя было очевидно, что Мазепа идёт на очередное предательство, Петр всё же соблазнился возможностью закончить изнурительную войну одним махом. Ради этого он готов был превозмочь себя и простить изменника. Мазепе передали, что его условия приняты. Однако дальше дело не пошло. То ли гетман не поверил, то ли предпочёл другой сценарий на остаток своей жизни.

Как бы то ни было, одновременно с обращением к Петру Мазепа предлагал Станиславу Лещинскому присоединить Малороссию к Польше на тех же правах, которые имела Литва. Для этого, по мнению гетмана, необходимо было занять Левобережную Украину польско-шведскими войсками во имя уничтожения московского «дракона» и спасения «наследственного достояния» польских королей. Себя Мазепа, естественно, видел охранителем этого достояния. Его послание к Лещинскому завершалось раболепными словами о том, что он припадает к храброй королевской руке «тысячью поцелуев и остаётся верным подданным и слугою наинижним» [9, с. 252–253]. Ностальги-

ческая память о счастливой молодости, проведённой в аристократической среде польской элиты, победила всё остальное.

Письмо Мазепы попало в руки Петру, который обнародовал его основные положения в грамоте к малороссам от 28 января 1709 г. Там говорилось, что гетман привёл шведов на Украину не для освобождения, а для восстановления польского господства и насаждения католичества, что он получил от Лещинского воеводство в Польше и титул князя северского [9, с. 254].

Если в Малороссии всё было относительно спокойно, то в Запорожской Сечи казаки поддались внушениям Мазепы, писавшего им, что царь собирается загнать весь малороссийский народ за Волгу, а его войска ведут себя на Украине как на вражеской территории. Ультимативные требования запорожцев к Москве касались уже не только срытия Каменного Затона и самарских городков, но и Малороссии, которую они хотели освободить от присутствия царской военной администрации. На сечевой раде, как полагают некоторые историки, все единодушно присягнули Мазепе, просили его прислать войска для уничтожения Каменного Затона и обещали соединиться со шведами [13, с. 228–229]. Но есть и другое мнение, согласно которому среди запорожцев произошёл раскол. Умудрённые опытом старики приняли сторону Петра, не из любви к нему, а из ненависти к иноверным шведам. А молодые горячие головы под руководством кошевого атамана Константина Гордиенко послали в Москву грамоту, где они «с нареканием и безчестием на самую высочайшую особу царя» предъявили требование о предоставлении полной независимости не только Запорожью, но и Малороссии [16, с. 221–222]. В результате поднялись волнения, распространившиеся на Правобережную, Левобережную (Гетманщину) и даже Слободскую Украину.

Всё это заставляло Петра не жалеть средств для наведения порядка. Он писал, что «сие дело из первых есть, которого опасаться надлежало было». Предпочитая действовать «не только шпагою», он пытался исчерпать другие способы для успокоения казаков: посылал к ним представительные делегации с большими суммами денег, обещал сохранение вольностей и увеличение жалования, устроил смещение промазепинского кошевого атамана Константина Гордиенко. Всё было напрасно. Запорожцы забрали у царских посланников деньги, а потом избили их до полусмерти, сыпая проклятия в адрес Москвы.

В марте 1709 г. казаки начали боевые действия против русских войск [16, с. 223, 229–243]. Тогда Пётр отдал полковнику П. И. Яковлеву распоряжение о массированном ударе по Сечи. Но прежде, чем выполнить приказ, военачальник ещё раз призвал запорожцев уговориться. Те и не подумали. В итоге 14 мая Запорожская Сечь после неимоверно яростного сражения с большими потерями с обеих сторон была уничтожена. По словам Д. И. Яворницкого, ещё раз подтвердилось печальное правило: «войны между народами одной

веры и одного происхождения – самые жестокие и самые кровопролитные из войн» [16, с. 243–247].

Пётр устроил в честь взятия Сечи салют. А. Д. Меншикову он писал, что «с превеликою радостью услышал о разорении проклятого места, которое корень злу и надежда неприятелю была» [9, с. 254–257]. Вместе с тем царь, не желая, чтобы это событие восприняли как жестокую и несправедливую экзекуцию, обратился к запорожцам и малороссам с пространной грамотой. В ней говорилось, что Сечь была постоянным очагом смут и распрей, распространявшихся за её пределы. Жертвами разбоев и убийств становились мирные люди из числа «соседственных» народов, включая русских. Запорожцы ставили русско-турецкие отношения на грань войны и тогда, когда они нещадно грабили османских купцов, и тогда, когда вступали с крымским ханом в союзы против России. Потом они поддерживали «вора и бунтовщика» Булавина и, наконец, присоединились к «изменнику и богоотступнику» Мазепе и его шведским покровителям, в союзе с которыми начали вести военные действия против России. Царя до глубины души уязвила их не просто чёрная неблагодарность, а подлое свойство кусать руку помощи. Он припомнил, как казаки встречали его послов, привозивших жалование, – «всегда с безчестием и руганием, а иногда оных побивали и в воду сажали». Они, писал Пётр, «уже давно подлежали нашему гневу и достойны были казни и разорения; однакож мы, великий государь, то всё долготерпеливо сносили». Даже когда всё было готово для наступления на Запорожье и оставалось лишь отдать приказ, бунтовщикам был предоставлен последний шанс для спасения – принести крестоцеловальную присягу на верность царю, и в этом случае они будут прощены и оставлены «при прежних своих войсковых правах и вольностях». Более того, те из смутьянов, кто после уничтожения Сечи принесёт повинную, могут рассчитывать на прощение. Таких набралось до 15 тыс. человек [16, с. 247–253, 257]. Другие выбрали войну против России на стороне шведов и Мазепы.

Победа под Полтавой развязала руки царю и в Малороссии, где он хотел ещё сильнее ограничить власть гетмана и старшины, не только не желавших урезать свои аппетиты, но и стремившихся добиться более широких привилегий в обмен на лояльность к России. Такие настроения заметны в представлении, отправленном Скоропадским в Москву 17 июля. В четырнадцати статьях этого документа, просительного по форме и требовательного по содержанию, он настаивает на сохранении всех казачьих вольностей и правил жизни, что подразумевало: автономию войскового управления, исключавшую подчинение атаманов русскому командованию; невмешательство во внутренние дела Малороссии, в том числе в отношения казаков с городским населением; освобождение от военных походов и постоев; свободный проход в Запорожье для промыслов; устранение с московской стороны

многоначалия и прямое подчинение Малороссии государю [4, с. 511–516; 10, с. 332–333].

Пётр принял ту часть пунктов, которую считал для себя приемлемой, но дал понять, что оставлять край на произвол казачьей верхушки и низовой социальной стихии он не собирается. Это стало окончательно ясно, когда он приставил к Скоропадскому сначала суздальского наместника А. П. Измайлова, а затем сразу двух своих чиновников – думного дьяка А. А. Вiniusа и стольника Ф. Протасьева – «для советов о государевых делах», попросту для надзора. В их обязанности, помимо «сохранения тишины и благоустройства», входило наблюдение за тем: чтобы гетман не вступал в сношения с иностранными государствами, а получаемые оттуда письма пересылал Петру и без его ведома на них не отвечал; чтобы назначал и смещал своих подчинённых только с царского согласия и не принимал в службу поляков и других иноземцев; чтобы без государевой на то воли никого не казнил; чтобы не вмешивался в вопросы землевладения и землепользования; чтобы представил полный отчёт о доходах гетманской казны и распределении их между старшинами, полковниками и другими урядниками [10, с. 334–335; 16, с. 258–259; 4, с. 516–519; 5, с. 301–313].

Распоряжение Петра вызвало большое недовольство, на которое нельзя было не обратить внимания в условиях обостряющихся отношений с Турцией, всегда готовой использовать казаков против России. Под рукой у Порты теперь был и Мазепа, нашедший вместе с Карлом XII и своей двухтысячной свитой убежище в Бендерах. Он, по-прежнему признаваемый многими законным гетманом, мог поднять в Малороссии смуту и даже направить её в некое организованное русло. У него были для этого и материальные средства: ему удалось сохранить своё движимое богатство и прихватить с собой войсковую казну, из которой он субсидировал шведского короля и подкупал турок. Стараясь лишить Мазепу рычагов влияния, Пётр угрозами и посулами перетянул часть старшин, поддерживавших изменника, на свою сторону, но всё равно, пока эта выдающаяся личность была жива, от неё, как считалось, исходила большая опасность. Возможно, преувеличенная, поскольку Мазепа быстро утрачивал доверие Карла XII, до которого, вероятно, дошли сведения о его попытке помириться с Петром [13, с. 227].

Были и другие обстоятельства, позволявшие считать, что гетманская песенка спета. Полтава прогремела для него как похоронный колокол. Его главный козырь был бит вместе с надеждой на победу шведов. Через два месяца после этого эпохального события Мазепа, надломленный возрастом и недавними потрясениями, скончался. На его место выбрали ближайшего соратника гетмана Филиппа Орлика, заключившего с «избирателями» договор, согласно которому Малороссия вступает в союз с крымским ханом и переходит под покровительство Карла XII, чтобы спастись от рук «московского дракона» и выйти «из лабиринта страшного рабства на прежнюю свободу».

Политико-административные и финансовые полномочия Орлика существенно ограничивались [10, с. 337–338; 4, с. 522–535; 5, с. 315–339]. Ограниченным было и его влияние на казаков, многих из которых смущало то, что он обосновался на османской территории, в Бендерах.

КАЗАЧИЙ ЮГ НА ПУТИ К ГУБЕРНИЗАЦИИ

По мере появления проблем, озадачивавших Петра невозможностью их быстрого решения, царь стал понимать, что существует некая общая причина, препятствующая этому. Заключалась она в архаичной и не соответствующей новым задачам системе административного управления Россией. В этой системе не было единообразия и централизма. Страна делилась на полторы сотни уездов (или воеводств), куда приказы из Москвы шли долго, порой так долго, что теряли смысл. Отдалённость от центра позволяла воеводе выполнять их на свой лад и не спешить отчитываться. Инспекционные проверки случались крайне редко, а когда случались, то не обязательно грозили выявлением крупных злоупотреблений даже при их очевидном наличии. Потребность в административно-управленческой реформе стала очевидной, и в числе обстоятельств, которые подтолкнули к ней Петра, народные бунты занимали видное место.

В конце 1708 г. был издан государев указ о разделении страны на восемь губерний, во главе которых стояли губернаторы, как правило (но не всегда), соединявшие военную и гражданскую власть. Они имели большие полномочия, но и несли персональную ответственность перед царём, круто обходившимся с нерадивыми начальниками. В виде хорошо организованного и хорошо управляемого государства Петру требовался инструмент решения целого ряда крупных внутривнутриполитических проблем.

Реформа была призвана усилить централистско-самодержавное начало в государстве, чтобы более эффективно подавлять проявления патриархально-автономных пережитков, прежде всего в виде казачьей вольницы. Большую проблему в этом плане представляли запорожские казаки – своим сильным военным потенциалом, подкреплённым более или менее управляемой военно-политической организацией – гетманством, претендовавшим на самостоятельность даже в международных делах.

«Административная реформа» в Запорожье произошла спонтанно [1, с. 271–272]. Начало ей положил, того не желая, Мазепа, изменив России, заключив с Карлом XII военный союз и начав войну против Петра. Из укреплённых накануне крепостей, окружавших Сечь, царь нанёс по ней сокрушительный удар. И хотя казаки сопротивлялись мужественно, их судьба была решена. В мае Сечь в прежнем виде прекратила своё существование.

С военно-стратегической точки зрения это было абсолютно прагматическое решение. Через месяц произошла Полтавская битва, в которой русским

пришлось бы отбиваться от наступавших с севера шведов и наседавших с юга запорожцев. И тогда исход этого исторического сражения, скорее всего, был бы плачевен для Петра, хотя и без того он был под большим вопросом.

С 1709 г. процесс общей деградации Малороссии стал обретать необратимую динамику. При Мазепе деструктивные факторы сдерживались его политической изощённостью. После измены гетмана равноценной замены ему не нашлось. Резко обострился социальный конфликт между казачьей верхушкой, добивавшейся предоставления ей привилегий русских помещиков, с одной стороны, и казачьей массой и городским населением, страдавшими от старшинского произвола, с другой. Крайне неустойчивыми были общественные настроения. Одни видели в Москве пособницу этого произвола, другие – избавительницу. Благонадёжность Малороссии, особенно её полководцев, вызывала у Петра большие сомнения. Однако в условиях русско-турецкого конфликта 1710–1713 гг. царь воздерживался от грубого вмешательства в малороссийские дела, довольствуясь поддержанием статус-кво. Ради этого даже с оставшимися и вернувшимися на Левобережье сторонниками Орлика обходились относительно милосердно. Поскольку Скоропадский казался более или менее надёжным ставленником, Москва закрывала глаза на те злоупотребления («большое плутовство»), которые при нём «размножились» [11, с. 596].

Пётр настаивал, чтобы граница между нестабильной Малороссией и вечно мятежным Запорожьем была наглухо закрыта во избежание проникновения на Левобережье бунтарского духа. Царь обязал Скоропадского строго следить за этим.

До 1722 г. Петр, несмотря на рост местного произвола и умножение жалоб, не шёл на радикальное изменение малороссийских порядков. В целях формирования более широкого слоя пророссийской элиты он предпочёл другое средство – модифицировать институт казачьих выборов. Вместо прямого избрания радой полковника или сотника стали выбирать несколько кандидатур и представлять их на утверждение гетмана, который уже сам решал, кто из них подходит по степени лояльности к России. Старшинской верхушке это очень не понравилось, и она, когда скрыто, а когда явно, противилась такой практике.

В течение 1710-х гг. в настроениях Малороссии находили некоторый отклик антимосковские призывы «гетмана в изгнании» Орлика. Орлик, поддерживаемый шведами и турками, носился с грандиозным планом объединения запорожцев и малороссов на обоих берегах Днепра в суверенное государство «Малая Россия» в качестве полноправного субъекта международных отношений со столицей в Киеве. В рамках политики строительства такой химеры гетман заключил военные союзы с Карлом XII и Турцией [16, с. 259–266].

Во время русско-турецкой войны 1710–1711 гг. он, с энтузиазмом подержав врагов России – турок, крымцев, поляков и шведов, совершил во

главе 8-тысячного казацко-польского войска нападение на Белую Церковь и потерпел поражение [16, с. 279–282].

После Адрианопольского мира 1713 г. и ухода Карла XII из Турции запорожцы, перебравшиеся на османскую территорию, мало-помалу стали успокаиваться. Воевать с Россией без союзников не хотелось [16, с. 285–294]. В конце 1719 г. к запорожцам стали просачиваться кое-какие вести из далёкого Стокгольма, где под шведской опекой проживал Орлик, бежавший из Турции с Карлом XII в 1714 г. Оттуда гетман внимательно следил за ситуацией в Запорожье, сопоставляя её с динамикой развития европейских событий. Видя, что союзники Петра заключили со Швецией сепаратные договоры и у западных держав зреет идея объединиться против него, Орлик страстно увлекся мыслью включить в этот антироссийский альянс запорожцев. Он послал к ним своего эмиссара Фёдора Нахимовского с призывом присоединиться к этому союзу, выступление которого намечалось на лето 1720 г. Большинство казаков ответило отказом [16, с. 294–296; 10, с. 563–571; 5, с. 350–354, 356–359].

Вплоть до начала 1740-х гг. наследник Мазепы, скитаясь по Европе, носился с различными проектами строительства независимого казачьего государства и создания антирусской коалиции, которые были настолько оторваны от реалий жизни, что уже никого в России не беспокоили [16, с. 298, 321–325; 4, с. 557–558].

МАЛОРОССИЙСКАЯ КОЛЛЕГИЯ

Подписание Ништадтского мира окончательно развязало Петру руки в Малороссии, где он взял курс на унификацию её управленческих структур по общеимперскому образцу, т. е. – на полное упразднение гетманства. Указом от 29 апреля 1722 г. царь учреждает под видом совещательно-вспомогательного органа при Скоропадском так называемую Малороссийскую коллегию в составе её председателя бригадира С. Л. Вельяминова и шести штаб-офицеров. Задачи коллегии предусматривали: надзор за судопроизводством, исполнением императорских указов и за всякого рода сборами с населения, денежными и натуральными; выплату жалования воинским чинам; ограничение барщинного произвола старшины в отношении рядовых казаков и горожан; рассмотрение жалоб от простолюдинов; запрет на рассылку гетманских универсалов без ведома коллегии [11, с. 505; 4, с. 563–564].

Подтверждением того, что это было своеобразным продолжением губернской реформы, стала передача малороссийских дел из ведения Коллегии иностранных дел в сферу полномочий Сената, иначе говоря – из внешнеполитического ведомства во внутривластное.

Через два месяца после царского указа Скоропадский умер, возможно, не выдержав унижительной необходимости смириться с превращением сво-

его гетманского статуса в декоративную должность. В отсутствие царя, находившегося в Персидском походе, Сенат решил до прояснения ситуации временно передать полномочия гетмана Полуботку, обязав его во всём держать совет с Вельяминовым. Между ними сразу возник конфликт. Полуботок возмущался тем, что председатель Малороссийской коллегии, действуя в соответствии с её регламентом, настаивал на подробной инвентаризации полкового недвижимого и движимого имущества, на проверке всего документооборота войсковых канцелярий, вершил суды по жалобам на произвол казачьей старшины и требовал письменных отчётов о выполнении императорских указов.

По наущению Полуботка представители малороссийской знати выразили Сенату своё неудовольствие по поводу чрезмерной регламентации их жизни и ограничения исконных «сословных» прав, что якобы поощряет чернь к неповиновению и бунту. В ответ Сенат призвал Вельяминова воздержаться от слишком радикальной политики и действовать гибко, путём «тайного приласкания» нужных людей и отказа от методов, чреватых озлоблением малороссийского народа [11, с. 506–508].

Двоевластие в Малороссии, опасное само по себе, категорически не устраивало Петра ещё и потому, что Полуботок под прикрытием заверений о верности царю хотел восстановить старый порядок, опираясь на соответствующие настроения казачьей знати и предостерегающе намекая Петербургу на свою незаменимость в качестве человека, способного управлять этой неукротимой силой.

Другим претендентом на гетманскую должность был миргородский полковник Данила Апостол, ещё более настойчиво предлагавший себя Петру в качестве преданного соратника. Но оба соискателя домогались гетманства вовсе не для того, чтобы стать проводниками унификаторской политики царя, а напротив, чтобы под видом исполнения саботировать её ради сохранения прежних правил жизни.

Представляя общую картину в максимально огрублённой форме, можно сказать, что малороссы в своём отношении к России ещё глубже разделились надвое. Бóльшая их часть (казачьи низы, горожане) связывала с введением имперского управления надежды на справедливое распределение общественного богатства, защиту от грабительских посягательств на результаты своего труда, от несправедливых судов и социального закабаления. Меньшая часть (полковники, старшины), превратившаяся в привилегированное сословие и привыкшая жить за счёт тотальных поборов с применением насилия, видела в политике Петра наступление на свои законные права, якобы освящённые традициями казачьей старины.

Простонародье просило царя прислать в малороссийские города русских чиновников в качестве комендантов. Отвечая на эти просьбы, Пётр начал с назначения в Стародуб (1723 г.) майора Ивана Кокошкина, которому

строжайше наказывалось построить свою деятельность на полном контрасте с политикой прежних стародубских полковников, причинявших жителям «несносные обиды и разорение». Если же он вздумает следовать примеру своих предшественников, то «и за малое преступление будет непременно казнён смертью, как преслушатель указа, нарушитель правды и разоритель государства» [11, с. 508–509]. Одновременно Сенат объявил малороссам, чтобы о любых злоупотреблениях русских чиновников они доносили Петру на прямую.

Полуботок боролся за гетманскую власть отчаянно и дерзко. Его стратегия заключалась в том, чтобы поставить царя в такую ситуацию, когда ничего не останется, как согласиться на его избрание. Причём вопрос ставился именно о «демократическом» избрании в духе священных традиций, а не о назначении по воле монаршей [11, с. 510, 593].

Усиливая психологическое давление на Петра, Полуботок давал понять, что за ним стоит весь малороссийский народ, единый в своём волеизъявлении [4, с. 577–579]. Убедить в этом призваны были посылаемые к царю челобитные с просьбой позволить казакам избрать Полуботка гетманом. Сам претендент тоже не сидел сложа руки. Он раскинул широкую сеть интриг, куда угодила даже жена Петра Екатерина Алексеевна, которой предложили вознаграждение, если она замолвит словечко за «избранника народа».

В 1723 г. царь ответил на эту «предвыборную кампанию» указом, где говорилось, что после Богдана Хмельницкого все гетманы оказывались изменниками и для приискания «весьма верного и известного человека, о чём и имеем мы непрестанное старание», нужно время. А пока управление Малороссией доверено соответствующей коллегии, которая будет действовать строго по монаршим указаниям, и больше «о сем деле докучать не надлежит». Из этого явствовало, что вопрос о гетмане Пётр решит сам, без помощи «избирателей». Подразумевалось ещё одно: в число кандидатов Полуботок не входит [11, с. 511].

Окончательно определиться Петру во многом помог Полуботок своим неистовым напором. Претендент начал создавать в малороссийском общественном мнении моральную почву для психологического давления на царя. Укрепляя политические тылы, он пообещал своим оппонентам из «верхов» общества удовлетворение за причинённые обиды, а «низам» – справедливое управление и суды. С помощью подлога⁵ и подкупа нескольких подьячих Сената Полуботок состряпал челобитные якобы от имени всего малороссийского народа и самолично привёз их в Петербург. Там содержалось требование сохранения старины.

⁵ Полуботок принудил старшин подписать чистые листы, на которых потом появился текст [11, с. 514].

Пётр, недолго думая, приказал арестовать Полуботка и нарядить следствие. В ходе его вскрылись, помимо махинаций с челобитными, тайные связи полковника с запорожцами и Крымом, которых он хотел использовать для дестабилизации ситуации, чтобы заставить царя пойти на уступки ради сохранения порядка и признать Полуботка единственным гарантом защиты от смуты. В 1723 г. несостоявшийся гарант был посажен в Петропавловскую крепость, где он вскоре умер [4, с. 581].

Следствие обнаружило компрометирующие материалы и на другого кандидата в гетманы. Поскольку Даниил Апостол принял активное участие в Персидском походе и не представлял особой политической опасности по причине отсутствия харизмы, его пощадили. Но вопрос о новом гетмане, стало быть, и о гетманщине, был закрыт [11, с. 511–515; 4, с. 564].

Сразу после смерти Петра казачья знать в лице некоего Данила Забелы обратилась к Екатерине I с предложением не упразднить гетманскую должность, а лишь ограничить её полномочия. Речь шла о компромиссе между принципом административно-политического единства империи, с одной стороны, и интересами малороссийской социальной верхушки, с другой. Забела советовал лишить всех заражённых мазепинским духом полковников и старшин имущества и отправить в специально отведённую для них колонию-слободу, дав ей соответствующее имя – «Изменничья». На их место подобрать верных людей и сделать из них коллегиальный орган при новом таком же надёжном гетмане, поскольку какое-то единоначалие в любом случае необходимо. Прежние гетманы, как пояснялось, изменяли потому, что им позволяли сосредотачивать в своих руках чрезмерную власть и богатства. Теперь же эту власть, прежде всего в сфере судопроизводства, нужно разделить между четырьмя вертикально расположенными инстанциями: 1) низовые, или полковые суды с правом принимать жалобы даже на гетмана; 2) императорская «юстиция» в составе 12 человек; 3) Малороссийская коллегия; 4) Кабинет Её императорского Величества. Предлагалось также переложить всю тяжесть налогов с воинских людей и купцов на монастыри, известные своими связями с «проклятым Мазепой» и жестоким произволом в отношении крестьян [11, с. 594–596].

Проект не был принят. Но в 1727 г. Петербург всё же счёл возможным временно восстановить институт гетманства, уже не видя в нём прежней опасности. И новый гетман, престарелый Даниил Апостол, обласканный Екатериной I и Петром II, её действительно не представлял. Поэтому имперская власть пошла на некоторые послабления, создав видимость возвращения прежних вольностей, но оставив под своим контролем вопросы о правилах выбора (назначения) гетмана, о налогообложении, о владельческих правах на движимое и недвижимое имущество, о регулировании торговли [4, с. 593–606; 5, с. 380–385].

Апостол пробыл в этой должности до своей смерти в 1734 г., после чего она в прежнем виде уже не возродилась. 31 января императрица Анна Иоанновна издала грамоту, лукаво извещавшую, что, пока не будет найдена Апостолу достойная замена, управление Малороссией передаётся в ведение специальной коллегии, которая будет осуществлять справедливое «материнское попечение» над народом на основе «вольного права» и без всяких тягостей [5, с. 389–395]. Эти пустые слова означали упразднение гетманства.

В 1750 г. могло возникнуть впечатление, будто гетманство возродилось вновь. Но это была лишь административная декорация, придуманная для того, чтобы дать фавориту Елизаветы Петровны К. Г. Разумовскому пышный титул «гетмана всея Малые России» и поприще для деятельности. Избранник императрицы представлял собой типичного имперского наместника со всеми его (немалыми) достоинствами и пороками, среди которых было всё, кроме политического сепаратизма [4, с. 633–654]. Его амбиции сводились к претензии на свободу подражания дворцовым ритуалам Петербурга и на право безнаказанно совершать злоупотребления в целях личного обогащения, в чём он несколько не отличался от многих представителей правящего класса империи. После отставки Разумовского в 1764 г. гетманская должность навсегда осталась в истории, если, конечно, не принимать за таковую карикатурную пародию на неё, появившуюся в 1918 г. столь же внезапно, как и исчезнувшую.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, рассуждая сугубо теоретически, можно было бы ожидать, что за более чем два века своего существования Малороссия и Запорожье благодаря военно-демократическому укладу жизни и высочайшему пассионарному духу смогут превратиться из этногеографического пространства в некую разновидность протогосударства, имеющего перспективу рано или поздно избавиться от приставки «прото». Но этого не случилось. Именно эта необузданная, возведённая в ранг сакрального фетиша вольница на корню разрушала те робкие ростки социальной организации и социальной упорядоченности, которые могли бы развиваться в более или менее жизнеспособные государственные формы даже вопреки неблагоприятному геополитическому расположению между Турцией, Польшей и Россией [16, с. 217].

Петербург, исходя из соображений целесообразности и собственного удобства, пытался создать на Левобережье некий управляемый административно-политический субъект в виде Гетманщины и мириться с его полуавтономным статусом в течение неопределённо долгого времени, необходимого для постепенной безболезненной интеграции его в имперскую систему. Возможно, так бы и произошло, если бы не постоянно возникавшие проблемы с лояльностью гетманов и их окружения в отношении России, которые сопро-

вождались кровавыми казачьими междоусобицами, жестоким социальным произволом местной знати и, как следствие, народными бунтами, ставившими русских царей перед необходимостью тратить огромные силы на их подавление. Когда все эти явления сошлись в кульминационной точке – измене Мазепы, – решение о прекращении заигрывания с идеей самостийности Малороссии пришло само собой. Проект «Украина», если он вообще существовал за пределами буйного воображения горстки политических фантазёров, был похоронен самой казачьей элитой. У неё, вечно занятой мышиною вознёй, не хватило ума, чтобы найти опору во внешних силах (Россия, Польша, Турция), которые поддерживали этот проект в интересах борьбы друг против друга.

Лишь через два столетия искусственный квазигосударственный конструкт под названием «Советская Украина» был вызволен на свет Божий в условиях проведения грандиозного эксперимента по национально-административной перекройке бывшей Российской империи. Потенциальные катастрофические последствия его были запрограммированы уже тогда, и, в конце концов, дождались своего часа.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 17.06.2023

Статья размещена на сайте: 24.10.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Броневский В. Б. История Донского войска. Ч. 1. СПб., 1834. 311 с.
2. Львов Л. Отношения между Запорожьем и Крымом. Одесса: Типография Штаба Округа, 1895. 60 с.
3. Маркевич Н. А. История Малороссии. Т. 1. М.: Издательство О. И. Хрусталева, 1842. 404 с.
4. Маркевич Н. А. История Малороссии. Т. 2. М.: Издательство О. И. Хрусталева, 1842. 674 с.
5. Маркевич Н. А. История Малороссии. Т. 4. М.: Издательство О. И. Хрусталева, 1842. 484 с.
6. Соловьев С. М. Сочинения. Т. 11. М.: Мысль, 1991. 666 с.
7. Соловьев С. М. Сочинения. Т. 13. М.: Мысль, 1991. 664 с.
8. Соловьев С. М. Сочинения. Т. 14. М.: Мысль, 1991. 667 с.
9. Соловьев С. М. Сочинения. Т. 15. М.: Мысль, 1991. 596 с.
10. Соловьев С. М. Сочинения. Т. 16. М.: Мысль, 1991. 551 с.
11. Соловьев С. М. Сочинения. Т. 18. М.: Мысль, 1991. 574 с.
12. Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903. 471 с.

13. Таирова-Яковлева Т. Г. Мазепа. М.: Молодая гвардия, 2007. 269 с.
14. Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Быт запорожской общины. Т. 1. М.: Центрполиграф, 2017. 494 с.
15. Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Быт запорожской общины. Т. 2. М.: Центрполиграф, 2017. 558 с.
16. Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Быт запорожской общины. Т. 3. М.: Центрполиграф, 2017. 558 с.

REFERENCES

1. Bronevskii V. B. *Istoriya Donskogo voiska. Ch. 1* [History of the Don Army. Pt. 1]. St. Petersburg, 1834. 311 p.
2. Lvov L. *Otnosheniya mezhdu Zaporozh'em i Krymom* [Relations between Zaporozhye and Crimea]. Odessa, Tipografiya Shtaba Okruga Publ., 1895. 60 p.
3. Markevich N. A. *Istoriya Malorossii. T. 1* [History of Little Russia. Vol. 1]. Moscow, Izdatelstvo O. I. Khrustaleva Publ., 1842. 404 p.
4. Markevich N. A. *Istoriya Malorossii. T. 2* [History of Little Russia. Vol. 2]. Moscow, Izdatelstvo O. I. Khrustaleva Publ., 1842. 674 p.
5. Markevich N. A. *Istoriya Malorossii. T. 3* [History of Little Russia. Vol. 3]. Moscow, Izdatelstvo O. I. Khrustaleva Publ., 1842. 484 p.
6. Solovyev S. M. *Sochineniya. T. 11* [Essays. Vol. 11]. Moscow, Mysl Publ., 1991. 666 p.
7. Solovyev S. M. *Sochineniya. T. 13* [Essays. Vol. 13]. Moscow, Mysl Publ., 1991. 664 p.
8. Solovyev S. M. *Sochineniya. T. 14* [Essays. Vol. 14]. Moscow, Mysl Publ., 1991. 667 p.
9. Solovyev S. M. *Sochineniya. T. 15* [Essays. Vol. 15]. Moscow, Mysl Publ., 1991. 596 p.
10. Solovyev S. M. *Sochineniya. T. 16* [Essays. Vol. 16]. Moscow, Mysl Publ., 1991. 551 p.
11. Solovyev S. M. *Sochineniya. T. 18* [Essays. Vol. 18]. Moscow, Mysl Publ., 1991. 574 p.
12. Sukhorukov V. D. *Istoricheskoe opisaniye zemli Voiska Donskogo* [Historical description of the land of the Don Army]. Novocherkassk, 1903. 471 p.
13. Tairova-Yakovleva T. G. *Mazepa* [Mazepa]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2007. 269 p.
14. Yavornitskii D. I. *Istoriya zaporozhskikh kazakov. Byt zaporozhskoi obshchiny. T. 1* [History of the Zaporozhye Cossacks. Life of the Zaporozhye community. Vol. 1]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2017. 494 p.
15. Yavornitskii D. I. *Istoriya zaporozhskikh kazakov. Byt zaporozhskoi obshchiny. T. 2* [History of the Zaporozhye Cossacks. Life of the Zaporozhye community. Vol. 2]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2017. 558 p.
16. Yavornitskii D. I. *Istoriya zaporozhskikh kazakov. Byt zaporozhskoi obshchiny. T. 3* [History of the Zaporozhye Cossacks. Life of the Zaporozhye community. Vol. 3]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2017. 558 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дегоев Владимир Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации; e-mail: degas@list.ru

Vladimir V. Degoev – Dr. Sci. (History), Prof., Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; e-mail: degas@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Дегоев В. В. Левобережная Малороссия в XVII – первой четверти XVIII вв.: от управляемой вольницы через социальную анархию к губернизации // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Degoev V. V. Left-bank little Russia in the XVII – first quarter of the XVIII century: from controlled Volnitsa (freedom) through social anarchy to gubernization. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2023, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru